

МОЖЕТ ЛИ АНОМИЯ БЫТЬ НОРМАЛЬНОЙ?

С. Т. КАВЕЦКИЙ¹⁾

¹⁾Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина,
бульв. Космонавтов, 21, 224016, г. Брест, Беларусь

Анализируется идея переоткрытия аномии, что связано с влиянием ускорения и усложнения современного социума. В дискуссионной форме исследуется категория «нормальная аномия», под которой понимается расширяющаяся совокупность уязвимостей для социума в виде побочных эффектов инновационной, рационально-прагматической деятельности человека. Критическому переосмыслению подвергаются современные трансформационные процессы. Через призму социологических исследований раскрываются социальные практики «нормальной аномии» в Беларуси. Автор приглашает социологическое сообщество к обсуждению концепции тотальной аномии.

Ключевые слова: «нормальная аномия»; парадоксальность; кентавризм; структура и уровни аномии; тотальная аномия.

CAN ANOMY BE NORMAL?

S. T. KAVETSKY^a

^aBrest State A. S. Pushkin University,
21 Kasmanaŭtaŭ Boulevard, Brest 224016, Belarus

The idea of rediscovering anomie is analysed, which is associated with the influence of acceleration and complication of modern society. The category of «normal anomie», which is understood as an expanding set of vulnerabilities for society in the form of side effects of innovative, rational-pragmatic human activity, is being investigated in a discussion form. The article is subject to critical rethinking of the transformation processes today. Social practices of «normal anomie» in Belarus are revealed through the prism of sociological research. The author brings up the concept of total anomie for discussion of the sociological community.

Keywords: «normal anomie»; paradox; centaaurism; structure and levels of anomie; total anomie.

Истоки понятия «аномия» находятся в структурах мирового сознания и прослеживаются на длительном ретроспективном удалении от современности. Еще в Древней Греции получил распространение термин *аномос*, который обозначал такие понятия, как «беззаконный», «безнормный», «неуправляемый». У Еврипида аномия символизировала жестокость бытия. Платон видел в этом понятии проявление анархии и неумеренности. В Ветхом Завете аномия связывалась с грехом и порочностью, в Новом Завете – с беззаконием. «И, по причине ум-

ножения беззакония, во многих охладает любовь» (Мф. 24:12). «Всякий, делающий грех, делает и беззаконие; и грех есть беззаконие» (Ин. 3:4).

Первое упоминание термина «аномия» у Э. Дюркгейма связано с анализом разделения труда как источника солидарности общественного развития и его антиподов. Исследуя аномальное развитие, он пришел к выводу о том, что «если разделение труда во всех этих случаях не производит солидарность, то потому, что отношения органов не регламентируются, потому что они находятся в состоянии аномии»

Образец цитирования:

Кавецкий С.Т. Может ли аномия быть нормальной? Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2021;4:50–57.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-4-50-57>

For citation:

Kavetski ST. Can anomie be normal? *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;4:50–57. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-4-50-57>

Автор:

Святослав Тихонович Кавецкий – кандидат философских наук; доцент кафедры политологии и социологии исторического факультета.

Author:

Sviatoslav T. Kavetski, PhD (philosophy); associate professor at the department of political science and sociology, faculty of history.
kstbrest@mail.ru

[1, с. 342]. В качестве главного фактора возникновения аномии Э. Дюркгейм усматривал рассогласование традиционных и индустриальных идеалов, не учитывая того, что аномия предрасположена к мутации и способна качественно изменяться с усложнением общества. Р. Мертон мыслил аномию как следствие дисфункциональности институтов общества, в результате чего возникают противоречия между культурными целями, ориентирующими людей на успех, и институциональными средствами, предоставляющими приемлемые способы достижения этих целей.

Дальнейшее развитие аномии проходило в XX и начале XXI в. Различные аспекты усложнения данного феномена были выявлены в трудах представителей западной социологической мысли (Т. Парсонса, Р. Дарендорфа, Ю. Хабермаса, Л. Сроула, Э. Фромма и др.). В новейшее время ученые пошли по пути анализа интерференции аномии на другие социальные и культурные реалии (Р. Аслам, Э. Ингдал, И. Карлехеден, Д. Говард-Вагнер и др.), о чем свидетельствуют материалы XVII (Гетеборг, 2010), XVIII (Иокогама, 2014), XIX (Торонто, 2018) всемирных социологических конгрессов.

Новые подходы к изучению социальной аномии и ее производных, усложняющих природу аномических процессов, в 1990-х гг. и начале XXI в. в своих исследованиях представляют российские и белорусские ученые. Комплексный подход к аномическим процессам в современном социуме через призму новых явлений в общественной жизни и социальной практике фундаментально раскрывает Ж. Т. Тощенко. На основе парадигмы травмы он выстроил концепции парадоксального человека, кентавризма, фантомов, имитации [2–5]. В своей монографии Ж. Т. Тощенко, основываясь на анализе реальной ситуации в России, показал, что парадоксальное сознание стало частью современной жизни [6]. Этот феномен обосновывается результатами исследований белорусских ученых А. Н. Данилова, Д. Г. Ротмана, Л. Г. Титаренко. «Общее состояние морального сознания белорусов, судя по опросам, остается весьма неопределенным. Традиционные моральные представления сдали свои позиции, а стабильные новые моральные нормы и отношения, адекватные современному либерально-демократическому типу общества, не сформировались. Между тем для устойчивого нравственного развития общества требуется достаточная ясность в этих вопросах. Мы полагаем, что господствующие ныне противоречивые ценности не только во многом определяют социокультурные типы отношений белорусских граждан к происходящим политическим и экономическим процессам, но и позволяют прогнозировать противоречивые перспективы будущего развития республики» [7, с. 104].

Ж. Т. Тощенко презентовал концепцию кентавризма [2]. Кентавр-проблема – это особая форма

противоречий, специфическое проявление парадоксов, имеющих уникальные черты. Автор объясняет реальность одновременного существования двух (нескольких) взаимоисключающих начал, возможность их познания и целенаправленного воздействия на них. Ж. Т. Тощенко раскрывает генезис кентавризма, его эволюцию и типологию. «Кентавр-процессы проявляют себя во всех сферах общественной жизни: в экономике, политике, социальной и духовной жизни» [2, с. 54]. Отметим, что кентавризмы охватывают широкий спектр процессов и явлений. «Приведенные социологические рефлексии относительно природы аномии свидетельствуют о ее качественном изменении и, соответственно, необходимости ее переоткрытия» [8, с. 5].

Рассматривая аномию через призму концепции аномии переходного периода, можно выделить ее следующие уровни: микроуровень (собственно отчуждение), мезоуровень (классическая аномия и ее производные) и макроуровень (глобальные аномалии XX – начала XXI в.). К состояниям аномии автор относит такие производные, как социокультурная травма, парадоксальность, кентавризм, концепция фантомов, имитации, феномен молчаливого большинства, рискофобия и рискофилия, кризис легитимности и др.

Большое значение для изучения аномической структуры социума имеет категориальный анализ. Его целями являются концептуализация, систематизация и уточнение видов аномии.

Общественная аномия, по мнению Э. Дюркгейма, бывает двух видов – экономической и семейной. Экономическая аномия – это нарушение установленного нормативного порядка, с относительной точностью фиксирующего максимальный уровень материального благосостояния каждого общественного класса. Семейная аномия – нарушение равновесия и дисциплины, обеспечиваемых семьей и семейной моралью. Существуют также многие другие виды аномии. Социальная аномия неразрывно связана с кризисом социальной системы (в области политики, науки, культуры и т. д.). Духовная аномия – это потеря людьми смысла жизни в результате смены общественного строя, революций и войн. Политическая аномия представляет собой трансформацию и деградацию социальных институтов, посредством которых завоевываются и реализуются властные отношения в обществе. Правовая аномия – это проявление системных и индивидуальных установок на внутреннее неприятие закона, что в массовом масштабе может повлечь дестабилизацию социальных процессов в обществе, развитие беспорядков, общую дезорганизацию и угрозу национальной безопасности. Криминальной аномией выступает преступность, обусловленная социальными патологиями. Социокультурная аномия проявляется при дезорганизации, деформации ключевых компонентов культуры. Инновационная аномия выражается

в дестабилизации общества в результате навязывания ему социокультурных инноваций.

Концепцию «нормальной аномии» предложил С. А. Кравченко [9]. Под ней он понимает «расширяющуюся совокупность уязвимостей для социума в виде побочных эффектов инновационной, рационально-прагматической деятельности человека» [8, с. 6]. Свою концепцию ученый обосновывает следующими положениями.

1. «Реалии нормальной аномии обусловлены объективным процессом становления сложного социума, характером его социальной динамики» [8, с. 6]. Это особенно свойственно для постсоветских и постсоциалистических стран, находящихся в процессе трансформации.

2. «Всегда люди жили в одном социальном времени, и это было нормой. Сегодня же нормой является утверждение плюрализма социального времени. По И. Р. Пригожину, ныне происходит переоткрытие времени, что, в частности, связано с нарушением симметрии между прошлым и будущим, с признанием нелинейной природы и презумпции его необратимости» [8, с. 6]. Весьма характерной для социокультурной сферы Беларуси выступает проблема структурирования свободного времени. Наряду с пространством время является всеобщей формой существования

материи. Различным формам движения материи соответствуют свои, специфические, формы времени. Движению общественной материи соответствуют формы социального времени. Социальное время занятого в производстве населения можно представить следующим образом: рабочее время, вне рабочее время (которое включает в себя время пути на работу и обратно, время на хозяйственно-бытовые нужды, физиологические потребности), свободное время. Если в социалистическом измерении пропагандировался лозунг К. Маркса: «Свободное время – общественное богатство», то в настоящее время господствует лозунг: «Время, которое у нас есть, это деньги, которых у нас нет».

3. «Традиционно люди одного поколения жили практически в одном социальном пространстве, относительно замкнутом национальными и культурными границами. Соответственно, все находящиеся там смыслопроизводящие институты (семья, школа, религия и т. д.) формировали общие для всех моральные нормы, являвшиеся весьма значимым регулятором поведения людей. Положение радикально изменилось в становящемся сложным социуме» [8, с. 7]. С конца 1980-х гг. для белорусов стали возможны поездки за границу. Результаты социологических исследований на эту тему представлены в табл. 1.

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос:
«Бывали ли Вы в течение последних трех лет за рубежом?»
в зависимости от места проживания, %**

Table 1

**Distribution of answers to the question: «Have you been abroad
during the last three years?» depending on the region, %**

Место проживания	Вариант ответа	
	Да	Нет
Витебская область	26,6	73,4
Гродненская область	33,7	67,3
Гомельская область	27,2	23,8
г. Минск	36,0	61,0
Минская область	10,9	89,1
Могилёвская область	16,7	83,3
Брестская область	40,1	59,9
г. Брест	62,5	37,5
Республика Беларусь	34,1	65,9

Мы проанализировали результаты исследований, проведенных в Бресте. Анализ позволил выяснить, как часто и с какими целями респонденты выезжали за границу. Если в 1997 г. и в течение двух предшествующих лет за границей побывали 62,5 % опрошенных брестчан, то в 2003–2005 гг. – 34,4 %, в 2014–2016 гг. – 44,2 %, в 2016–2018 гг. – 62,7 %, в 2019–2021 гг. – 56,0 % респондентов. Цели этих поездок перечислены в табл. 2.

Респондентам из Бреста, побывавшим за границей, предлагалось ответить на дополнительный вопрос: «Приходилось ли Вам вольно или невольно нарушать таможенные правила?». Выяснилось, что в 1995–1997 гг. таможенные правила нарушили 75,0 % пересекавших границу, в 2003–2005 гг. – 57,0 %, в 2014–2016 гг. – 41,4 %, в 2016–2018 гг. – 36,4 %, в 2019–2021 гг. – 16,0 % опрошенных.

Таблица 2

Распределение ответов брестчан на вопрос: «Если Вы бывали за границей в течение последних трех лет, то с какой целью?», %

Table 2

Distribution of answers of Brest residents to the question:
«If you have been abroad in the last three years, then for what purpose?», %

Вариант ответа	Год проведения исследования				
	1997	2005	2016	2018	2021
Работа	7,5	19,4	13,1	11,5	10
Туризм	17,5	34,4	30,4	31,5	48
Бизнес	72,5	45,2	56,2	53,1	37
Другое	2,5	1,0	0,3	3,9	5

Таким образом, значительного изменения структуры поездок не наблюдается, однако в последние годы увеличилось число выездов за пределы страны по служебным вопросам, расширилось деловое, научное, культурное и спортивное сотрудничество. Наши соотечественники стали путешествовать больше.

Люди находят разные способы приспособиться к состоянию аномии: это может быть конформизм, т. е. подчиняющееся поведение, что пересекается с пресловутой белорусской толерантностью, отклоняющееся поведение (наркомания, бюрократия, уход от мира, забастовки, голодовки, мелкое воровство, экономический туризм) и т. д. При этом выявляется психологический парадокс: человек чувствует себя более защищенным и свободным в жесткой, закрытой системе с малым выбором занятий и ограниченными возможностями социального продвижения, чем в условиях неопределенности, в подвижной, открытой системе с универсальными нормами, формально равными для всех.

4. Реалии «нормальной аномии» не могли возникнуть раньше определенного уровня развития виртуальной реальности (она существовала и в традиционном обществе в виде мифических нарративов и религиозных представлений), после достижения которого начался процесс стирания различия между реальным и воображаемым [8, с. 7]. XX в. стал временем научно-технической революции, ее воздействие на все сферы общества, в том числе на сферу свободного времени, велико. В 1990-х гг. возросло количество телевизионных каналов. Были удовлетворены интересы желающих пользоваться аудио- и видеотехникой. Телевидение овладело аудиторией, особенно молодежной. Сегодня лидирует компьютер, интернет. По данным конкретно-социологических исследований, проведенных под руководством автора в 2005 г., 33,5 % респондентов имели персональный компьютер, 17,8 % – использовали интернет. К 2016 г. число людей, имеющих компьютер, удвоилось, а количество интернет-пользователей утроилось. В 2018 г. мобильный телефон имели 96,4 % респондентов, компьютер – 85,5 %, ин-

тернетом пользовались 81,9 %. В 2018 г. домашние телефоны были у 78,8 % опрошенных, более 95 % пользовались мобильными телефонами.

5. На становление «нормальной аномии» влияют процессы спектаклизации и игризации. Если прежде трудовая и игровая деятельность, рабочее и свободное время были отделены друг от друга определенными нормативными границами, то ныне они могут образовывать единое целое. На первый взгляд, данные процессы лишь увеличивают функциональность социума: внедрение игровых принципов и эвристических элементов в профессиональные стратегии позволяет политикам, дипломатам, бизнесменам, спортсменам эффективнее добиваться вполне прагматических целей. Однако побочные эффекты порождают новые уязвимости [8, с. 7]. В число субъектов современного политического процесса в Беларуси входят политические партии. В 2020 г. официально функционировали 15 политических партий. Большинство из них сталкиваются со следующими проблемами: отсутствие полноценной теоретической и социальной базы, уникальности, параллелизм деятельности, слабая узнаваемость. Чтобы у них была возможность обладать реальной политической силой, необходимо законодательное введение заявительного принципа при образовании политической партии, а также применение пропорциональной или смешанной избирательной системы на выборах в Палату представителей. Об аномичности белорусской партийной системы говорит и тот факт, что, по данным конкретно-социологического исследования, проведенного нами в Бресте в 2021 г., более 80 % респондентов отметили, что не поддерживают ни одну из политических партий Беларуси.

6. Традиционная аномия может распространяться как на повседневное, так и на научное знание. В последнем случае это порождает более или менее длительные вызовы для развития науки. В конкретный период времени содержание и характер науки определяются совокупностью принципов категориального аппарата, признающих группой ученых в течение определенного исторического периода,

т. е. парадигмой, которая конституирует нормальную науку. Однако с течением времени ее представители сталкиваются с увеличением аномалий, которые не могут быть объяснены с помощью существующего инструментария, что, соответственно, вызывает кризис, заканчивающийся революцией и переходом к новой парадигме. При этом возможно парадоксальное сочетание самого разного знания и незнания [8, с. 8]. Аномические процессы затронули и социологию в нашей стране. Казалось бы, после повышения статуса и востребованности социологии в конце 1980-х – начале 1990-х гг. ее ждет широкое поле деятельности, однако последующие события показали, что в лучшем случае к ней относятся с настороженностью. Несмотря на то что в высшей школе социология имеет статус обязательной дисциплины еще с конца 1980-х гг., с каждой образовательной реформой количество часов для ее изучения уменьшается. С 2014 г. социология в нашей стране изучается в рамках модуля «Экономика», который включает экономику и социологию. Экзамен по этому модулю студенты сдают на первом курсе, в одной аудитории, в один день, приоритет оценки – за экономистами, при этом если на изучение экономики отводится 44 академических часа, то на изучение социологии – 24 ч. В данной ситуации мы сталкиваемся с образовательным кентавризмом. Система аккредитации в социологии проводилась государством с благой целью – повысить качество социологических исследований, в первую очередь в период избирательных кампаний. Однако президентские выборы 2020 г. показали, что в условиях отсутствия социологических исследований активно распространяются фейки. Речь идет не о закрытии социологии, как в сталинские времена, а использовании ее в «придворном» статусе.

Социология – дорогая наука, требующая больших материальных средств. Стоимость проведения социологического опроса в Беларуси (с выборкой 1000 респондентов) достигает 10 тыс. долл. США и более. Поэтому важную роль играет социологическая солидарность. Это в первую очередь поддержка коллег при проведении научно-исследовательских работ (особенно конкретно-социологических), написании монографий, статей и т. д.

7. «Нормальная аномия» предполагает парадоксальное сосуществование традиционных рисков, рисков «общества риска» и новейших рисков «мирового общества риска», несущих с собой определенные уязвимости. Соответственно, людям приходится рефлексировать относительно парадоксальности самих рисков [9, с. 8]. Социологический анализ постсоветской действительности показывает, что во всех сферах жизни современного социума есть рискогенные проявления. Упреждение рисков аномичности и их минимизацию необходимо рассматривать как программу комплексных мер по стабилизации всех областей жизни общества на пути перехода к стратегии устойчивого развития.

Во-первых, рассматривая социальный феномен риска, необходимо опираться на функции, которые не разрушают систему, а укрепляют ее.

Во-вторых, риски влияют на социальную структуру общества. Необходим комплексный подход к изучению социальных групп и слоев социума, которые конструируют производство рисков. Речь идет об исследовании не только маргинальных, паразитических и криминальных групп, но и олигархов, меценатов, политиков, журналистов, планирующих и конструирующих аномальные ситуации.

В-третьих, необходимо анализировать изменения в общественном сознании: если ранее нормативным идеалом общества была социальная справедливость, то в обществе риска это безопасность. Риск всегда распространяется стремительнее, чем локализуется. Особенно это касается неизвестных социальных и техногенных рисков.

В-четвертых, необходимо учитывать, что современная жизнь потенциально рискозависима, при этом большие и малые риски становятся нормой повседневной жизни. «Нормальная аномия» в этой ситуации формирует рискофобии и рискофилии у определенной части социума.

В-пятых, необходимо использовать возможности социологии для становления социальной рискологии как части концепции социологии аномии переходного периода – одной из отраслей общесоциологической теории. В рассмотрении чрезвычайных ситуаций и катастрофических событий важно перейти с регистрационного уровня на аналитический.

В-шестых, достижение устойчивого неаномического развития подразумевает действенную государственную политику в целях обеспечения социально справедливого и экологически приемлемого развития, направленного на переход общества к стратегии устойчивого развития.

8. «Если традиционная аномия занимается проблематикой таких девиаций, как супружеская измена, разводы, аборт и т. д., то в поле нормальной аномии оказывается дисперсия традиционных норм семейно-брачных отношений, что в ряде культур, по существу, становится нормой. <...> Легализация однополых браков влечет за собой, с одной стороны, формальную реализацию прав человека на свободу выбора желаемого брачного партнера, а с другой – как ныне проявляющиеся, так и особенно отложенные уязвимости для существования человеческого рода» [9, с. 9].

Результаты социологического исследования отношения студентов к различным формам брака представлены в табл. 3.

9. Для анализа реалий нормальной аномии требуется новый валидный инструментарий. Как нам видится, для его формирования необходим синтез подходов социологии и других наук. На его основе успешно совершились так называемые повороты

в социологии: лингвистический (Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер, М. Фуко, П. Бурдьё), рискологический (У. Бек [10], Э. Гидденс [11], Н. Луман [12]), материалистический (Б. Латур, Д. Пелс, К. Хезерингтон, Ф. Вандерберге), культуральный (Дж. Александер). Особенно востребованы повороты сложности и ресурсности (Дж. Урри), совмещающие достижения социологии и естественных наук, исходя из того, что у них может быть общее предметное поле – многогранные проблемы становления сложного социума. Вместе с тем указанные междисциплинарные подходы, ратующие за интеграцию естественных и социальных наук, оставляют в стороне и тем самым умаляют гуманитарные науки. Недостаток, по

существу, отсутствие гуманистической направленности в инновационной деятельности человека, подмена гуманизма рационально-прагматической целесообразностью стали главными факторами формирования «нормальной аномии» [8, с. 9]. С. А. Кравченко предлагает гуманистический поворот, ведь для анализа сложного социума и «нормальной аномии» в особенности необходим синтез естественнонаучного, социального и гуманитарного знания. «Такая интеграция позволила бы, с одной стороны, максимально учесть всевозможные парадоксы, дисперсии и турбулентности социума, а с другой – осуществить поиск и утверждение новых форм гуманизма» [8, с. 9].

Таблица 3

Отношение студентов к формам совместного семейного проживания, %

Table 3

Attitude of students to forms of cohabitation, %

Формы совместного семейного проживания	Курс		Пол		Всего
	3-й	4-й	Парни	Девушки	
Брак, зарегистрированный в загсе	43,5	40,8	32,0	46,0	42,0
Гражданский брак	5,0	7,6	11,3	4,4	6,4
Брак, освященный церковью	18,6	19,0	19,6	18,5	18,8
Брак, зарегистрированный в загсе и освященный церковью	26,7	26,1	22,7	27,8	26,4

Примечание. Затруднились ответить 5,8 % студентов, 0,6 % респондентов не ответили.

10. Современное общество, страдающее «нормальной аномией», нельзя «вылечить» традиционными, рационально-прагматическими средствами. Жизненные стратегии в этих условиях, подходы к новым уязвимостям еще предстоит разработать, опираясь на интегральный инструментальный социальных, естественных и гуманитарных наук [8, с. 9].

Казалось бы, выстроенная концепция «нормальной аномии» реалистична и опирается на теоретические и практические разработки социологов [13]. Однако в ходе научного семинара в Институте социологии НАН Беларуси в марте 2020 г. уважаемый белорусский социолог С. А. Шавель высказал аргументированные сомнения в ее существовании: «Сомнительными представляются поиски концептуализации и категоризации выражения «нормальная аномия», предложенные известным российским социологом С. А. Кравченко и, судя по всему, поддержанные С. Т. Кавецким. В нашем языке оно звучит как «нормальная ненормальность», т. е. как типичный оксюморон типа «жареный лед» или «прямая кривизна». Предполагается, что аномийными являются те новые нормы и ценности, которые вытесняют старые и занимают их место. Однако при этом не учитывается ни содержание новых норм, ни

сложность и длительность обновления нормативно-ценностной базы общественной и личной жизни. Уместно привести слова выдающегося советского философа Мераба Константиновича Мамардашвили, который утверждал: «Одной из катастрофических идей XX века является идея нового человека... Дай нам Бог порождать или породить просто человека, имеющего свое назначение»¹. Возьмем, к примеру, такую якобы новую норму, как гражданский брак, т. е. сожительство без регистрации (об однополых браках в Беларуси речь не идет). Можно ли сегодня считать эту норму нормальной? Да, она существует у определенной части молодежи, но если взять сумму семейных отношений (рождение детей, определение их гражданского статуса, общее хозяйство и имущество, вопросы наследования и т. д.), то его никак нельзя отнести к нормативной системе общества, как бы ни хотелось кому-то его легитимировать. Ссылки на Дюркгейма здесь представляются некорректными. Он имел в виду, что аномия не есть кара небесная за какие-либо грехи. Она возникает в обществе и в этом смысле является естественной. Поэтому следует подумать о содержательном и лексическом аспектах данного выражения, используя такие слова, как «полезная норма», «псевдонорма», «статистическая норма»².

¹Мамардашвили М. К. Лекции по социальной философии // Социол. журн. 1994. № 3. С. 30–38.

²Выступление С. А. Шавеля на научном семинаре на тему «Аномия в современном обществе: социологический аспект» (Институт социологии НАН Беларуси, 5 марта 2020 г.).

По сути, возражения С. А. Шавеля не противоречат концепции «нормальной аномии». Это касается семейно-брачных отношений в нашей стране (см. табл. 3), подходов великого философа М. А. Мамардашвили и трактовки аномии Э. Дюркгеймом. А вот над лексическим и содержательным термином «нормальная аномия» надо подумать. Согласимся с С. А. Шавелем, однако приоритет в определении данного феномена должен принадлежать С. А. Кравченко.

В заключение отметим, что при анализе «нормальной аномии» необходимо учитывать новые условия глобальной нестабильности [14; 15]. В XX и начале XXI в. население Беларуси испытало на себе множество социальных катаклизмов: революции, Первую мировую войну, гражданскую войну, раздел страны по Рижскому договору, сталинские репрессии, воссоединение Западной и Восточной Беларуси,

Великую Отечественную войну, распад Советского Союза, Чернобыльскую катастрофу, избирательные кампании 2010 и 2020 гг., пандемию COVID-19 [15; 16]. Поэтому изучение изменений социальной структуры современного социума, взаимодействия государственных и общественных структур, поведения различных слоев населения в кризисных условиях остается актуальным.

Можно констатировать, что «нормальная аномия» прочно обосновалась на постсоветском пространстве, в том числе в Беларуси. Рецидивы «нормальной аномии», соединяясь в современном социуме с классической аномией и ее производными, микроаномией и мегааномией, могут приобрести характер тотальной аномии и обрушить не только национальное государство, но и нести угрозу человеческой цивилизации.

Библиографические ссылки

1. Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда. Метод социологии*. Москва: Наука; 1991. 575 с. (Социологическое наследие).
2. Тощенко ЖТ. *Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа)*. Москва: Новый хронограф; 2011. 536 с.
3. Тощенко ЖТ. Фантомы общественного сознания и поведения. *Социс*. 2004;12:1–13.
4. Тощенко ЖТ. Новые лики деятельности: имитация. *Социс*. 2012;12:23–36.
5. Тощенко ЖТ. Травма как деформация эволюционного и революционного развития общества (опыт социологического теоретизирования). *Социс*. 2017;4:16–26.
6. Тощенко ЖТ. *Парадоксальный человек*. Москва: ЮНИТИ-ДАНА; 2008. 543 с. (Magister).
7. Титаренко ЛГ. *Современная западная социология: реконструкция парадигм*. Минск: БГУ; 2015. 215 с.
8. Кравченко СА. «Нормальная аномия»: контуры концепции. *Социс*. 2014;4:3–10.
9. Зарубина НН, Кравченко СА, Носкова АВ, Судас ЛГ, Кузьмина ЕИ. *«Нормальная аномия» в России и современном мире*. Кравченко СА, редактор. Москва: МГИМО; 2017. 281 с.
10. Beck U. *Risk society toward a new modernity*. London: SAGE; 1992. 272 p.
11. Гидденс Э. *Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь*. Коробочкин М, переводчик. Москва: Весь мир; 2004. 120 с.
12. Luhmann N. *Risk: a sociological theory*. New York: Walter de Gruyter; 1993. 236 p.
13. Кавецкий СТ. *Аномия: теория и социальная практика*. 2-е издание. Брест: Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина; 2019. 245 с.
14. Мамардашвили МК. Лекции по социальной философии. *Социологический журнал*. 1994;3:30–38.
15. Данилов АН. К новому идеалу цивилизационного развития. В: Гусаков ВГ, Коваленя АА, Гигин ВФ, Зеленков АИ, Лазаревич АА, Чуешов ВИ и др., редакторы. *Национальная философия в глобальном мире. Тезисы Первого белорусского философского конгресса; 18–20 октября 2017 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Беларуская навука; 2017. с. 308–309.
16. Панарин АС. *Стратегическая нестабильность XXI в.* Москва: Алгоритм; 2004. 139 с.

References

1. Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [On the division of social labour. Method of sociology]. Moscow: Nauka; 1991. 575 p. (Sotsiologicheskoe nasledie). Russian.
2. Toshchenko ZhT. *Kentavr-problema (opyt filosofskogo i sotsiologicheskogo analiza)* [Centaur-problem (experience of philosophical and sociological analysis)]. Moscow: Novyi khronograf; 2011. 536 p. Russian.
3. Toshchenko ZhT. [Phantoms of public consciousness and behaviour]. *Socis*. 2004;12:1–13. Russian.
4. Toshchenko ZhT. [New faces of activity: imitation]. *Socis*. 2012;12:23–36. Russian.
5. Toshchenko ZhT. Trauma as a deformation of the evolutionary and revolutionary development of society (the experience of sociological theorising). *Socis*. 2017;4:16–26. Russian.
6. Toshchenko ZhT. *Paradoksal'nyi chelovek* [Paradoxical man]. Moscow: YuNITI-DANA; 2008. 543 p. (Magister). Russian.
7. Titarenko LG. *Sovremennaya zapadnaya sotsiologiya: rekonstruktsiya paradigm* [Contemporary Western sociology: reconstructing paradigms]. Minsk: Belarusian State University; 2015. 215 p. Russian.
8. Kravchenko SA. «Normal anomie»: the contours of the concept. *Socis*. 2014;4:3–10. Russian.
9. Zarubina NN, Kravchenko SA, Noskova AV, Sudas LG, Kuz'mina EI. *«Normal'naya anomiya» v Rossii i sovremennom mire* [«Normal anomie» in Russia and the modern world]. Kravchenko SA, editor. Moscow: Moscow State Institute of International Relations; 2017. 281 p. Russian.

10. Beck U. *Risk society toward a new modernity*. London: SAGE; 1992. 272 p.
11. Giddens A. *Runaway world. How globalisation is reshaping our lives*. London: Profile books; 1999. 104 p.
Russian edition: Giddens A. *Uskol'zayushchii mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'*. Korobochkin M, translator. Moscow: Ves' mir; 2004. 120 p.
12. Luhmann N. *Risk: a sociological theory*. New York: Walter de Gruyter; 1993. 236 p.
13. Kavetski ST. *Anomy: theory and social practice*. 2nd edition. Brest: Brest State A. S. Pushkin University; 2019. 245 p. Russian.
14. Mamardashvili MK. [Lectures on social philosophy]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 1994;3:30–38. Russian.
15. Danilov AN. [Towards a new ideal of civilisational development]. In: Gusakov VG, Kovalenya AA, Gigin VF, Zelenkov AI, Lazarevich AA, Chueshov VI et al., editors. *Natsional'naya filosofiya v global'nom mire. Tezisy Pervogo belorusskogo filosofskogo kongressa; 18–20 oktyabrya 2017 g.; Minsk, Belarus'* [National philosophy in the global world: abstracts of the First Belarusian Philosophical Congress; 2017 October 18–20; Minsk, Belarus]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2017. p. 308–309. Russian.
16. Panarin AS. *Strategicheskaya nestabil'nost' XXI v.* [Strategic instability of the 21st century]. Moscow: Algorithm; 2004. 139 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 11.10.2021.
Received by editorial board 11.10.2021.